

Ноющий и прыгающий львиный жаворонок

Жил-был на свете человек, которому предстояло совершить большое путешествие, и вот при прощании он спросил своих трех дочерей, что им привезти в гостинец.

Тогда старшая пожелала себе жемчуга, вторая — брильянтов, а третья сказала: «Батюшка, привези мне поющего и прыгающего львиного жаворонка». Отец сказал: «Хорошо, если достану — привезу тебе», — поцеловал всех трех дочек и уехал.

Когда он уже находился на обратном пути домой, то жемчуг и брильянты для двух старших дочек он вез с собой, а певуна и прыгуна львиного жаворонка для младшей дочери он тщетно искал везде, и это было ему тем более досадно, что эта дочь была его любимицей.

Дорога его шла лесом, и среди того леса стоял прекрасный замок, а около замка росло дерево, и на самой его вершине пел и попрыгивал львиный жаворонок. «Вот, очень кстати ты мне на глаза попался», — сказал он, совершенно довольный, и крикнул слуге своему, чтобы тот на дерево лез и поймал птичку.

Но едва он подошел к дереву, как из-под него выскочил лев, встряхнулся и рявкнул так, что листья с деревьев посыпались. «Растерзаю того, кто дерзнет украсть у меня моего певуна и прыгуна жавороночка!» — крикнул лев грозно.

Тогда отец сказал: «Я не знал и не ведал, что птица тебе принадлежит; я готов загладить свою вину и заплатить тебе дорогой выкуп — и прошу только пощадить мою жизнь».

Лев отвечал на это: «Тебя ничто спасти не может, разве только если ты обещаешь отдать мне то, что по возвращении домой первое попадет тебе навстречу; если ты мне это пообещаешь, то я дарю тебе жизнь и сверх того даю моего жавороночка для твоей дочери».

Отец не решался на это согласиться и сказал: «Мне навстречу легко может выйти моя младшая дочь, которая больше всех дочерей меня любит и всегда выбегает ко мне, когда я возвращаюсь домой из поездок».

Но слуга перепугался за своего господина и сказал: «Почему же непременно первую должна вам выйти навстречу ваша дочь, а не кошка или собака?»

Таким образом отец дал себя уговорить, захватил с собою поющего и прыгающего жаворонка и обещал отдать льву в полную собственность то, что первое попадется ему навстречу при возвращении домой.

Когда он прибыл домой и вошел в дом, первую вышла ему навстречу его младшая, любимая дочь. Она выбежала к нему, целовала и обнимала его, и когда увидела, что он ей привез певуна и прыгуна жавороночка, то была вне себя от радости.

Но отец не в силах был радоваться, а напротив того, заплакал и сказал: «Дорогое дитя мое, эту маленькую птичку я купил дорогою ценою — я за нее должен был обещать, что выдам тебя дикому льву на растерзание», — и, рассказав ей все, как было, молил ее не ходить ко льву, что бы там ни случилось.

Но дочь утешала его и сказала: «Дорогой батюшка! Ваше обещание должно быть выполнено; я пойду ко льву и постараюсь смягчить его, и надеюсь вновь возвратиться к вам невредимою».

На другое утро она попросила, чтобы ей была указана дорога к тому замку, простилась с отцом и спокойно вступила в лес.

А тот лев был заколдованный королевич и днем имел образ льва, и все его люди также были львами; ночью же все они принимали свой человеческий образ.

Красная девица была принята львом весьма радушно и отведена в замок.

К наступлению ночи он обернулся красавцем и торжественно отпраздновал свадьбу с красною девицею. Они жили друг с другом в полном довольстве и согласии; спали днем и бодрствовали ночью.

Однажды пришел лев к своей жене и сказал ей: «Завтра большой праздник в доме твоего отца — твоя старшая сестра выходит замуж, и если ты желаешь на том празднике быть, то мои львы отвезут тебя туда». Та отвечала, что охотно повидалась бы с отцом, поехала в родительский дом, и львы ее сопровождали.

Все обрадовались ее приезду, а уж думали, что лев давно растерзал ее и ее нет в живых.

Она же рассказала, какой у нее чудесный муж и как ей хорошо живется, и проведя с ними все время, пока длились свадебные празднества, уехала обратно в лес к мужу-льву.

Когда выходила замуж ее вторая сестра и она была опять приглашена на свадьбу, она сказала льву: «На этот раз я не поеду одна, ты тоже должен ехать со мною».

Но лев отвечал, что эта поездка грозит ему большою опасностью: если его там, в доме ее отца, коснется луч зажженной свечи, то он обратится в голубя и в течение семи лет должен будет летать вместе с голубями. «Да ну, пойдем со мной! — сказала она. — Уж я тебя буду оберегать и охраню от всякого света».

Так и отправились они в дорогу все вместе, и даже маленького ребенка захватили с собою. Она велела там отвести особую залу и так прочно защитить ее от света, чтобы никакой луч не мог туда проникнуть от свадебных свечей, когда они будут зажжены в доме; там и должен был лев постоянно находиться. Но дверь в эту залу была сделана из сырого дерева, которое дало маленькую трещину, почти незаметную для человеческого глаза.

Свадьба была сыграна с большим блеском; когда же свадебный поезд по возвращении из церкви прошел мимо залы льва со множеством зажженных свечей и факелов, луч света с волосинку упал на заколдованного королевича и едва только коснулся его, как он уже обернулся голубем...

Когда жена пришла к своему мужу-льву, она уже нашла вместо него белого голубка! Голубок сказал ей: «Семь лет должен я в образе голубя летать по белу свету; но на каждых семи шагах я буду ронять по капле крови и по белому перышку, которые тебе будут указывать мой путь; и если ты по этому следу пойдешь, ты сможешь меня от чар избавить».

И вот голубок вылетел, а она пошла за ним следом, и на каждых семи шагах падало на глазах ее на землю по капельке крови и по белому перышку — и указывали ей путь.

Так шла она все далее и далее по Божьему свету, не оглядываясь, и все семь лет почти уже минули: и она уже начинала радоваться и думала, что они скоро будут избавлены от злых чар, а между тем до этого еще оставалось им много вытерпеть!

Однажды, в то время когда она шла по своему обычному пути, капли крови и перышки вдруг перестали падать сверху, и когда она глянула вверх, голубок исчез у нее из глаз!

Ей пришло в голову, что люди не могут помочь ей в ее беде; и потому пришла она к солнцу и сказала ему: «Ты все щели освещаешь и по всему белу свету гуляешь, не видало ли ты, как летел белый голубок?» — «Нет, — отвечало солнце, — никакого белого голубка я не видало; но вот могу тебе подарить шкатулочку, которую ты открой тогда лишь, когда будешь находиться на краю гибели».

Поблагодарила она солнце и пошла далее, и шла до самого вечера, и когда взошел месяц, она спросила его: «Ты светишь всю-то ноченьку на леса темные, на луга поемные — не видал ли ты, как летел белый голубок?» — «Нет, — сказал месяц, — не видал я никакого голубка; но вот дарю тебе яичко, и то яичко разбей лишь тогда, когда на краю гибели будешь».

Поблагодарила она месяц, пошла далее и шла, пока не стал на нее дуть ночной ветер. Тогда она и ему сказала: «Ты всюду дуешь, по деревьям, по кусточкам, по ветвям, по листочкам — не видал ли ты, как летел белый голубок?» — «Нет, — отвечал ей ночной ветер, — не видал я белого голубка; а вот постой, я спрошу у других трех ветров — может быть, те его видели».

Восточный и западный ветры ничего не видели; а южный ветер сказал: «Я видел белого голубка; он полетел к Красному морю и там опять обернулся львом, потому что уж отбыл семь лет голубем, и бьется там этот лев с драконом, а тот дракон не что иное, как заколдованная королевна».

Тогда сказал ей ночной ветер: «Вот что я тебе посоветую — ступай к Красному морю; там на правом берегу растут высокие прутья; отсчитай из них одиннадцатый, срежь его и ударь дракона; тогда и лев с ним справится, и как лев, так и дракон вновь получат свой человеческий образ. Затем оглянись кругом себя и увидишь грифа, что сидит у Красного моря; бросайся вместе с милым твоим к нему на спину: он и донесет вас домой через море. И вот тот орешек, что у тебя есть, как будешь среди моря, оброни, и он тотчас взойдет, и вырастет из воды большое ореховое дерево, на котором грифу можно отдохнуть, а коли он не отдохнет среди моря, то не хватит у него сил вас через море перенести. Не забудь же орех-то обронить — не то гриф самих вас обронит в море».

Подошла она к Красному морю и все нашла в том самом виде, как ей говорил ночной ветер. Сосчитала она прутья на берегу и одиннадцатый из них срезала; ударила прутом дракона, и лев одолел его — и тотчас же оба обратились в людей.

Но как только королевна, которая была обращена в дракона, освободилась от чар, она ухватила юношу за руку, вскочила с ним вместе на спину грифу и скрылась.

Тогда бедная странница осталась опять одна-одинешенька, всеми покинутая, и опустилась наземь, и стала плакать. Наконец она ободрилась и сказала: «Я пойду искать своего милого и стану искать его всюду, где ветер воет и где петух поет, пока не сыщу».

И пошла, и шла долго ли, коротко ли, пока не дошла до того замка, где ее муж жил с королевной. Там услышала она, что в замке скоро готовится их свадьба, и, призвав Бога на помощь, открыла ящичек, полученный ею в подарок от солнца: в том ящичке лежало платье, блиставшее так же ярко, как солнце.

Она вынула это платье, надела его и пошла в замок, и все гости, собравшиеся на праздник, и сама невеста смотрели на нее с изумлением; и платье так понравилось невесте, что она сама захотела надеть его на свадьбу, и спросила: «Не продажно ли оно?» — «Платье не продажное, а заветное, — отвечала покинутая, — отдам его не за злато, не за серебро, а за свое добро».

Невеста спросила, что хочет она сказать этим. А та отвечала: «Пусти меня одну ночь переночевать в той комнате, где твой жених почивает». Невеста не соглашалась сначала, а и платье ей получить хотелось, и вот она согласилась наконец, но приказала слуге своего жениха, чтобы тот дал ему сонного питья на ночь.

С наступлением ночи, когда юноша уже уснул, законная жена его была введена в его опочивальню. И вот стала она у его изголовья и стала говорить: «Семь лет сряду я за тобою следом шла, у солнца и месяца, и у всех четырех ветров побывала, везде о тебе разузнавала, в борьбе с драконом тебе помогла — ужели же ты меня совсем забыть хочешь?» Королевич же спал так крепко, что речи ее не слышал, — и чудилось ему только, будто ветер шумит среди елей...

Как наступило утро, так вывели опять жену из опочивальни, и она должна была отдать жестокой невесте свое золотое платье.

Когда и это не помогло, запечалилась несчастная жена, вышла из замка на лужок, села там и стала плакать. И когда она там сидела, то вспомнила о яйце, которое ей месяц подарил: она его разбила, из того яйца вышла золотая наседка с двенадцатью золотыми цыплятами, которые кругом ее бегали и клевали корм, и опять подлезали матке под крыло, и все это было так красиво, что милее ничего на всем белом свете не было.

Вот и поднялась она, и погнала их по лужку перед собою, и гоняла до тех пор, пока невеста не увидала из окошка; и приглянулись ей маленькие цыпочки настолько, что она тотчас сошла на лужок и спросила: «Не продажные ли они?» — «Продам их не за золото, не за серебро, — отвечала покинутая жена, — а за свое добро; дозвожь мне еще одну ночь поспать в той комнате, где твой жених почивает».

Невеста согласилась и хотела обмануть ее, как и в прошлый раз. Когда же королевич пришел в свою опочивальню, то спросил у слуги, что значат это бормотанье и шум, которые он слышал прошлой ночью.

Слуга и рассказал ему, что он вынужден был дать ему сонного питья, потому что в его комнате тайно провела ночь какая-то несчастная; что и нынче ночью ему приказано было дать королевичу сонного пить. «Выплесни питье около моей кровати», — сказал ему королевич.

И вот с наступлением ночи опять была введена в его опочивальню законная жена, и когда стала рассказывать ему о своих горестях и напастях, тогда он тотчас по голосу узнал свою милую супругу, бросился к ней и воскликнул: «Только теперь я тобою избавлен от чар, а то до сих пор бродил, словно во сне, потому что эта чужая королева меня околдовала и от тебя меня отвести старалась, но Бог меня вовремя образумил».

И вот они тайно ушли из замка ночью, опасаясь отца королевны, злого волшебника, и сели на грифа, который понес их за Красное море; и когда они были на самой середине моря, обронила она свой заветный орех.

Тотчас выросло из него большое ореховое дерево, на котором гриф отдохнуть мог, а затем принес их домой, где они нашли своего ребенка уже выросшим и похорошевшим.

И жили они там до самой смерти в довольстве и счастье.